

**Ա. Ռեմիզովի «Միրամարգի տակ» հեքիաթի կառուցվածքը.
կոնատության մոտիվը**

Մահակյան Հեղինե

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. կոնատ աղջիկ, խարդախորեն փոխելու մոտիվներ, բանահյուսական գուգահեռներ, բանահյուսական սյուժեի հեղինակային մշակում, Գրիմ եղբայրներ, Հովհ. Թումանյան

Հոդվածում ներկայացված է Ա. Ռեմիզովի «Միրամարգի տակ» հեքիաթի տիպաբանական, կառուցվածքային վերլուծությունը՝ ազգային բանահյուսական նյութերի, ինչպես նաև Գրիմ եղբայրների և Հովհ. Թումանյանի կողմից մշակված «Կոնատ աղջիկը» հեքիաթների գուգադրմամբ: Հեքիաթների գործողությունն ունի երկու սյուժետային գիծ՝ բարի և անմեղ աղջկան գրպարտելը և հրաշամանուկներին խարդախորեն փոխելը: Այս տիպին պատկանող հեքիաթները միավորված են «Կոնատը» ընդհանուր վերնագրի ներքո (AaTh 706):

Ա. Ռեմիզովի հեքիաթի յուրահատկությունը լրացուցիչ սյուժետային գծի ներդրումն է՝ սիրամարգի միջոցով աղջկան գյուղի ավագ ընտրելը: Առաջնորդների, այդ թվում թագավորների ընտրության նման սկզբունքը լայնորեն տարածված է տարբեր առասպելական սյուժեներում:

Ա. Ռեմիզովի «Զրպարտվածը» հեքիաթի սյուժեն հստակ գուգահեռներ ունի «Միրամարգի տակ» հեքիաթի ֆարուլայի հետ: Մինևույն ժամանակ կան որոշակի իմաստային տարբերություններ, որոնցից գլխավորը կոնատության մոտիվի բացակայությունն է, ինչից ելնելով էլ հեքիաթն ավելի շատ համապատասխանում է «Զրպարտված աղջիկը» տիպին (AaTh 883): «Զրպարտվածը» հեքիաթի հիմքում Ն. Օնչուկովի կողմից գրի առնված «Զրպարտված քույրը» հեքիաթն է, իսկ «Միրամարգի տակ» հեքիաթի բանահյուսական տեքստը Ա. Ռեմիզովին փոխանցել է Ն. Չերնյավսկին:

Այն հեքիաթները, որոնցում աղջիկը արատներ չունի, սակայն տեղի է ունենում նամակի կամ հրաշամանուկների փոփոխում, միավորվում են «Հրաշամանուկներ» սյուժետային տիպի մեջ (AaTh 707): Այս հեքիաթների ենթատիպը ներառում է արքայազն Բովայի մասին հեքիաթները (AaTh 707 I):

The Structure of A.Remizov's Fairy Tale "Under the Peacock": the Motif of the Armlessness

Sahakyan Heghine

Summary

Key words: *the armless girl, motives for fraudulent change, folkloristic parallels, authorial processing of folkloric plot, Brothers Grimm, Hovhannes Toumanyán*

The article presents a typological and structural analysis of A.Remizov's fairy tale "Under the peacock", juxtaposed with national folkloristic materials, as well as with the fairy tale «The armless girl» by Brothers Grimm and the one adapted by Hovhannes Toumanyán. The story of fairy tales has two plotlines – slander against a kind and innocent girl and the fraudulent change of infant prodigies. Tales of this type are united under the general title "Armless" (AaTh 706).

The peculiarity of A.Remizov's tale is the introduction of an additional "framework" plotline – electing the girl the head of a village with the help of a peacock. Such a principle of electing rulers, including kings, is widely represented in various mythological plots.

The plotline of A.Remizov's fairy tale "Slandered" reveals distinct parallels with the plot of the fairy tale "Under the Peacock". At the same time there are certain alternative semantic misinterpretations, though, the main one being the lack of armlessness motive, according to which the fairy tale bears more resemblance to the type "Slandered Girl" (AaTh 883). The fairy tale "Slandered Sister», written down by N. Onchukov, served as the original source for the fairy tale «Slandered». And the original folkloristic text of the fairy tale "Under the Peacock" was given to A. Remizov by N. Chernyavsky.

Those fairy tales in which the girl does not have any disabilities but there is a substitution of letters or infant prodigies, fall into the category «Infant prodigies» (AaTh 707). The fairy tales about Prince Bova are included in this subtype. (AaTh 707 I).

Сказка А. Ремизова «Под павлином» и птица, дарующая власть

Саакян Эгине

Ключевые слова: *девушка-безручка, павлин, феникс, Гамаюн, Алконост, Сирин, Симуург, Жар-Птица, птица правды, птица удачи*

В сказке А. Ремизова «Под павлином» специфичным является внедрение дополнительной «рамочной» сюжетной линии – избрания девушки старостой деревни. Причем выбор осуществляется с помощью птицы, в данном случае – павлина. Подбрасывают птицу и кому она на голову сядет, тот и староста. Подобный принцип выбора правителей, в том числе и царей, широко представлен в различных мифологических сюжетах.

Исходя из того, что фрагмент избрания старостой посредством подбрасывания павлина выведен в самом заглавии сказки А. Ремизова можем судить об исключительной важности этой сюжетной линии в рассматриваемом произведении.

Нужно отметить, что разные мифические райские птицы (павлин, феникс, Гамаюн, Алконост, Сирин, Симуург, Жар-Птица и др.) имели определенное символическое значение как в мусульманской, так и в христианской традициях, являя собой знак монарха. Например, считалось, что персидская огненная птица Хумай покровительствует монархам и приносит людям удачу.

«Птица Гамаюн, называется у татар «Гюмай», а в турецком языке «Гюма...» считается среди мусульман особенно важной и многозначный, как для всякого рядового правоверного, так и для мусульманских владык... над кем она пролетит так близко, что крыльями своими повеет ему на голову, тот будет непременно владыкой. Отсюда в турецких языках создалось слово «гумаюн», что в первоначальном своем значении равно слову «августейший»...» [12, 56]

Вставка А. Ремизовым сюжетной линии о выборе девушки старостой деревни в сказках, относящихся к типу «Безручка» (АаTh 706), встречается нечасто, однако, данный мотив выявляется в армянской народной сказке «Ягненка, которого хранит Бог, и волк не съест» («Մուկն անտառի քարի վրա կանգնած»), которую относят к типу АаTh 706: «Дарвиш (колдун) обманом отбирает у набожного короля царство – дарвиш становится царем, царь – дарвишем; во время странствий похищают красавицу-жену последнего; переходя через реку, герой старшего сына оставляет на берегу, сначала хочет переправить на другой берег младшего. Когда видит, что волк напал на старшего, хочет вернуться, чтобы спасти его, младшего роняет в реку. Герой думает, что дети погибли, но никогда не гневается на Бога. Его выбирают царем в другой стране: «Дарвиш видит, что на площади собрались люди. Спросив, узнает, что собираются выбрать царя. Дарвиш стоит в сторонке, смотрит. Подбрасывают птицу, кому на голову птица сядет, тот и должен стать царем. Птица летает, летает и садится нашему дарвишу на голову.

– Это не считается, – говорят, – давайте сначала подбросим.

Подбрасывают, и снова садится дарвишу на голову... Три раза птицу

подбрасывают, и три раза она садится ему на голову.

– Должно быть, этот дарвиш и есть наш царь, – кричат со всех сторон.

Тут же снимают его изношенную одежду, одевают в царские одежды и со всеми почестями усаживают на царский трон» [3, 301].

Описание выбора правителя, царя с помощью птицы известны в фольклорной традиции разных народов. Подобный способ выбора царя широко представлен в армянских сказках типа «Чудесная птица» (AaTh 569): «Кто съест ее голову, станет царем, кто съест сердце (и т.п.), – станет богачом (будет плевать золотом и.п.); любовник одной женщины хочет съесть птицу, но съедают ее дети; один становится царем, другой – богачом; царевна перенимает у второго брата его чудесное свойство, но он возвращает себе его» [2, 44].

К этому типу относится, например, «Сказка о красавице Дунье» («Դունիիս զնզաւի հերիշաթը»): «...Старший из братьев отправляется в город Чинумачина. А там на его удачу выбирали царя. Подбрасывали птицу удачи (арм.– դիւշիւթ (դիւշիթ) դուշ, дословно – птица, приносящая богатство¹) и кому на голову птица сядет, тот и должен был стать царем. Птицу подбросили, и она села прямо на голову парню. Тогда люди его спрятали в каком-то углу, среди народа и снова подбросили птицу. Она снова села ему на голову. И тогда больше ничего не сказали и сделали его царем» [4, 297].

Ср. со сказкой «Под павлином»: «Стал народ в круг, достали павлина, подкинули: на кого павлин сядет, тому и быть старшиной.

Летал, летал павлин и сел ей на голову.

– Это не считается! – загалдел народ, – чужая! Кидай еще раз.

И снова кинули.

И снова павлин сел ей на голову.

– Гони ее, что она тут мешает! – пуще загалдели.

Она и пошла, в дом пошла к старухе, где оставила сына: крепко спал ее сынок с дороги.

Стала она его люлюкать, стала его голубить.

А в доме в крыше сделано было окно, чтобы свет в доме был. И в это светлое окно залетел павлин и сел ей на голову.

И слышит она, бежит народ. Растворили дверь, вошли старики, и как увидели ее с павлином, поклонились.

– Твоя судьба. Быть тебе старшиной.

Вывели к народу. Окружил народ.

– Быть тебе старшиной! – сказали враз.

– Грамотная?

– Грамотная.

– Ну, и с Богом!

Так она старшиной и сделалась.

¹ См. Армянские народные сказки. Т. 3. Ереван: Издательство АН Армянской ССР. 1962. С. 585. (на арм. яз.).

И любил ее народ, и такая ей была вера, пуще всех» [6, 596-597].

Павлин действительно приносит ей удачу: «Стала она старшиной и большие пошли урожаи, такие большие, что последний бедняк не знал куда девать хлеба» [6, 597].

Можно провести параллели между «птицей удачи» и германской Синей птицей счастья, а также с Жар-Птицей. Своей расцветкой, формой и напыщенностью хвост Жар-Птицы / Феникса напоминают хвост павлина.

У ранних христиан павлин и тождественный ему феникс были символом бессмертия [10, 36]. В то же время, павлин стал воплощением святости, так как его хвост напоминает нимб на голове святых [10, 37].

Райские птицы ассоциируются с богатством еще и потому, что существует поверье, согласно которому выпавшее перо Жар-Птицы со временем превращается в золото. Ср.: в осетинском нартском эпосе перо и пух чудесной золотой птицы не просто превращаются в золото, но и сама птица превращается в девушку небывалой красоты – в дочь владыки подводного царства, которая в облике птицы прилетает в сад нартов за золотыми яблоками [8, 52-55].

Кроме того, павлиньи перья использовались в качестве атрибута власти. Ближневосточные христиане несторианского толка носят перо павлина на головном уборе, а Парцифаль в поисках святого Грааля встречает Короля-Рыбака Анфортаса в короне из павлиньих перьев [10, 46]. А у персов престол шахов назывался «павлиньим трон» [10, 37].

Что касается тайных знаний и гадания, то нужно было использовать перья Симурга, кроме того, считалось, что Симург обладает мудростью, всезнанием и даром пророчества. Симург (дословно «вершинник», «птица с вершины дерева/горы»), крылатый пес (птица-собака), фантастическое существо в иранской мифологии, царь всех птиц. По Б. Рыбакову, Семаргл (Симург) – «священный крылатый пес, охраняющий семена и посевы» [7, 115].

Симург обладал функцией благого покровителя отдельных людей и особенно человеческих коллективов. Эта функция ярко отразилась в «Шахнаме» Фирдоуси, где Симург выступает как охранитель рода эпических героев Сама – Заля – Рустама. Исходя из функции благого покровителя, Симурга часто изображали на талисманах. Сенмурв (Симург) был династийным символом Сасанидов.

По Т. Авдоеву, для курдов-езидов «Птица-павлин является эманацией авестийского «царя птиц» Сэнмурва» [1, 226].

Н. Марр указывал на связь армянского «margare» (пророк), грузинского «temargeu» (звездочет) и птицы Симург (арм. – «siramarg» – павлин) [11, 127].

На традиционных русских орнаментах Жар-Птица («Пава») имеет длинные перья хвоста, символизирующие лучи солнца. Иногда добавляли хохолок в виде солнечного диска, что сближает его с петухом.

В сказке А. Ремизова символика священной мудрой птицы фигурирует так же в образах горной курочки и петуха – «какаби и хохоби», в этом случае они подтверждают правдивость рассказа Безручки:

«– Глазынько лопни, правду я говорю, – поднялась она, – правду я говорю?»

– Правду! – пропищали какаби и хохоби, жареные, и без голов, совсем уж готовые» [6, 597].

Подтверждение истины с помощью «птицы правды» достаточно распространено в сказочных сюжетах подобного типа. Иногда функция отводится неодушевленным предметам. В случае армянской сказки «Хулида ханум» в подтверждение правды слов сестры зеленеет миндаль, после того как она трижды повторяет, что невинна: «Брат, Бог свидетель, я невинна, пусть миндаль зазеленеет (покроется зеленью) на столе» [4, 98].

В грузинской народной сказке «О златокудых юноше и девушке» истину отцу открывают дети, после чего гроздь винограда зеленеет, а жареный фазан (ипостась павлина-гамаюна) оживает и машет крыльями. В данной грузинской сказке отсутствует конфликт между невестками и золовкой. В роли недоброжелателей, подменивших письмо и бросивших детей в мельницу, выступают сестры Безручки: «Сестры от зависти подменивают детей на щенят, а мальчика и девочку бросают в мельницу. Разгневанный царь велит привязать жену к воротам, чтобы все плевали ей в лицо и мазали грудь сажей. Детей усыновляет мельник. Вырастив, дети приходят на царский пир, рассказывают царю, что та женщина их мать, а он отец: «Взял юноша со стола сухую виноградную ветвь и сказал:

– Если все это правда и она – моя мать, зазеленеет эта ветвь и повиснет на ней гроздь винограда.

Потом взял жареного фазана и сказал:

– Если это правд и ты, царь, – мой отец, оживет этот фазан, прыгнет на эту ветвь и крыльями поведет.

Только он это произнес, зазеленела в его руках ветка, повисли на ней сочные ягоды винограда, а фазан ожил, взлетел на ветку и встряхнул своим красивыми крыльями. Обрадовался царь, привели его жену, оказали царские почести, а злых сестер привязали к конским хвостам и разорвали на куски» [5, 147-150].

Другая грузинская народная сказка «Златокудрый сын» в большей мере соответствует сказке А. Ремизова «Под павлином»: «Ведьма-невестка перебивает посуду, сжигает одежду, наконец – убивает своего ребенка, обвиняя золовку. Золовку судят, отрубают ей обе руки. Девушка бродит в лесу. Во время охоты безрукую красавицу видит царевич, берет с собой домой, женится на ней. Царевич уезжает по делам в другую страну. Письмо о рождении златовласого мальчика подменивает служанка, хотевшая выдать свою дочь за царевича. Она пишет, что жена родила щенка. Муж просит подождать его возвращения, служанка подменивает письмо, пишет, чтобы убили женщину, утопили ребенка. Ребенка опускают в мешок, взваливают на спину матери, выгоняют со двора. Приходит безручка к реке, хочет выпить воды. Ребенка уносит течением. Она слышит голос Бога, который велит ей сунуть руки в реку, даже если нет рук, они прирастут и сможет она достать ребенка. Женщина излечивается, подбирает ребенка. Как-то проходит эта женщина с ребенком мимо дома своего брата. Просит милостыню. Царевич в это время был у брата в гостях. Сели ужинать. Пригласили ее тоже поесть. И попросили что-нибудь интересное рассказать. За обедом женщина-бродяга рассказывает

правду как сказку про невестку и про старуху, которая подменила письмо. Муж с братом узнают ее, радуются встрече, а виновных привязывают к хвосту лошади и разрывают на части [6, 137-140].

В сказке «Златовласый мальчик» в роли недоброжелателя – отец девушки: «Ее мать умерла, отец хочет жениться на ней. Девушка убегает, оказывается в царском доме, на ней женится царевич. Отец проникает во дворец в виде нищего и, перерезав горло младенцу, подкидывает дочери нож. Ей выкололи глаза, отрезали соски, подвесили на шею мертвого ребенка, отвели в пустыню, там и оставили. Господь посылает с голубем исцеляющую салфетку и волшебную щепочку, которая исполняет все о чем просят. С помощью щепки женщина с ребенком оказалась вблизи города, где живет ее муж. Попросилась к старухе на ночлег. Попросила у щепочки добротный дом для них со старушкой и пригласила в гости царевича. А царский повар засмотрелся на красивую женщину и пережарил фазан для царского ужина. Царевич собирался уходить, а мать научила сына сунуть прутик в стремя царского коня и прокричать, что царевич прутик украл. В ответ на то, что он не знает кто прутик сунул в стремя, мальчик сказал, что так и его мать не знала кто ему горло перерезал. Все выяснилось. Обрадовался царевич, послал родителям гонца. Женщина таким образом показала как можно обвинять невинного» [6, 140-147]. Ср.: Хулида ханум с той же целью подкидывает своему брату серебряные ложки, а героиня татарской сказки «Немая царевна» – золотые игрушки своего ребенка.

Однако в грузинской сказке «Златовласый мальчик» отсутствует одна важная смысловая деталь – руки героини не были отрублены. Сказка выделяется в отдельный подтип – «Терпеливая Елена» (AaTh 706 c): дочь священника-вдовца противится желанию отца жениться на ней и убегает в лес, становится женой королевича; отец проникает во дворец, убивает ее ребенка и подбрасывает ей нож, обвиненная в убийстве и изгнанная, она чудесным образом оживляет мертвого ребенка; муж вновь принимает ее [9, 177].

Таким образом, можем заключить, что мотивы избрания старостой деревни, королем, правителем с помощью подбрасывания птицы редко встречаются в сказках типа AaTh 706, зато имеют повсеместное распространение вообще в фольклорной традиции, в частности – в армянской. Кроме того, в фольклорных сюжетах армянского грузинского народов также выявляются мотивы подтверждения правды с помощью «птицы правды», в роли которой выступают павлин или разные его функциональные «двойники» – курица, петух, фазан, часто зажаренные и без голов, что имеет усилительное значение. В некоторых сказках выявляется отсылка к библейским мотивам – подтверждение истины отводится неодушевленным предметам, таким как миндаль или гроздь винограда.

Сказки, в которых фигурирует волшебная птица чаще всего объединены подтипами «Безручка» (AaTh 706), «Чудесные дети» (AaTh 707) или «Чудесная птица» (AaTh 569).

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдоев Т. Историко-теософский аспект езидизма // Приложение к журналу «Апокриф», № 15, Калининград, 2011. – 314 с.
2. Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л.: Государственное русское географическое общество, 1929. – 120 с.
3. Армянские народные сказки. Т. 2. Ереван: Издательство АН Армянской ССР. 1959. – 659 с. (на арм. яз.).
4. Армянские народные сказки. Т. 3. Ереван: Издательство АН Армянской ССР. 1962. – 672 с. (на арм. яз.).
5. Грузинские народные сказки. В 2-х книгах. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. Кн. 2. – 336 с.
6. Ремизов А.М. Собр. Соч.: В 10 томах. М.: Русская книга, 2000. Т. 2. Докука и балагурье. – 716 с.
7. Рыбаков Б.А. Русалки и бог Симаргл-Перефлут // Советская археология, № 2, 1967. – 91-106 с.
8. Сказания о нартах. Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2000. – 604 с.
9. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. – 215 с.
10. Тадевосян Т.В. Жар-Птица и езидский ангел-павлин Малаки-Таус // IV Всероссийские Миллеровские чтения. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 36-49 с.
11. Тадевосян Т.В. Семантические параллели фольклорных архетипов: мифологический аспект. Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т, 2014. – 196 с.
12. Тарабрин И. М. Гомоюнъ // Лицевой букварь Кариона Истомина. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. – 54-56 с.